

Отцы и отцовство в СССР: «женский» и «мужской» взгляд (по материалам писем 1950—1960-х гг.)

Екатерина Воронова

Fathers and fatherhood in the USSR: the «male» and «female» perception (based on the letters to the authorities of the 1950—1960s)

Ekaterina Voronova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870006384-3

Гендерная история изучает взаимодействие женщин и мужчин, механизмы воспроизводства «женского» и «мужского». В этом её отличие от «женской истории», рассматривающей женщин как изолированную группу и цель которой — описать «женское», выделить его особенности. На исследователей этого направления большое влияние оказал феминистский дискурс, который стремился доказать, что атрибуты и модели «женственности» сконструированы и поддерживаются обществом. «Мужское» же, которое долгое время считалось «незыблемым», стало предметом изучения сравнительно недавно. Однако в немногочисленных работах на эту тему основное внимание уделяется социальным установкам и иерархиям, а также моделям поведения и образам в культуре и искусстве. Семейная же жизнь мужчины, его место и роль в семье (муж, отец, сын) затрагиваются лишь мимоходом.

Отцовство находится на пересечении ряда исследовательских тем советской жизни: брачно-семейного законодательства¹, моделей маскулинности², гендерного порядка³. Однако его проблематика затрагивалась как часть нормативной или культурной⁴ картины эпохи, но не как сфера частной жизни муж-

© 2019 г. Е.А. Воронова

¹ *Glass B.L., Stolee M.K.* Family law in Soviet Russia, 1917—1945 // *Journal of Marriage and Family*. Vol. 49. 1987. № 4. P. 893—902; *Antokolskaia M.V.* Development of family law in Western and Eastern Europe: Common origins, common driving forces, common tendencies // *Journal of Family History*. Vol. 28. 2003. № 1. P. 52—69; *Денисова Л.Н.* Политическая спираль семейного законодательства // *Денисова Л.Н.* Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007. С. 19—51.

² *Киммел М.* Гендерное общество / Пер. с англ. О.А. Оберемко, И.Н. Тартаковской. М., 2006; *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Советский этакратический гендерный порядок // *Российский гендерный порядок*. СПб., 2007. С. 96—137; *Чернова Ж.В.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // *Российский гендерный порядок*. С. 146; *Кон И.С.* Мальчик — отец мужчины. М., 2009; *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. М., 2009; *Кон И.С.* Гендер и маскулинность, сыновья и отцы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 15. № 1. С. 48—64; *Звонарёва А.Е.* Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик. Иваново, 2014; *Коннелл Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / Пер. с англ. Т. Барчуновой. М., 2015.

³ *Schrand T.G.* Socialism in one gender: masculine values in the Stalin revolution // *Russian masculinities in history and culture*. Basingstoke (Hants.); N.Y., 2002. P. 194—209; *Лебина Н.Б.* Мужчина и женщина // *Повседневность эпохи космоса и кукурузы. Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950—1960-е годы*. СПб., 2015. С. 223—261.

⁴ *Dumancic M.* Rescripting Stalinist masculinity: contesting the male ideal in Soviet film and society, 1953—1968. Chapel Hill, 2010.

чины. Письма граждан также не привлекались как источник представлений об отцовстве, материнстве, семье в целом.

Между тем проблема отцовства широко обсуждалась на протяжении 1950—1960-х гг. в связи с разработкой нового Кодекса о браке и семье⁵. Дискуссии, которые велись в специально созданных структурах, на страницах газет и журналов и даже в радио- и телепередачах, опирались на большое количество обращений населения, которое стремилось донести до власти своё мнение и повлиять на содержание итогового документа. Задача данной статьи — охарактеризовать набор позиций и аргументов, при помощи которых женщины и мужчины выражали своё отношение к отцам и отцовству. Представляется, что на этом основании можно будет судить о том, существовала ли специфика «женской» и «мужской» точек зрения, а также о том, что определяло взгляды на ситуацию в брачно-семейной сфере в рассматриваемый период.

Указ от 8 июля 1944 г.⁶ отменил право матерей на обращение в суд для определения отцовства и взыскания с мужчин алиментов, поскольку с этого момента признавался законным лишь зарегистрированный брак. Также устанавливалось, что ребенок, рождённый вне брака, должен записываться по фамилии матери, а имя отца в метрику не вносилось. По мнению некоторых исследователей, указ «отбросил брачное законодательство на сто лет назад» и спровоцировал рост «безотцовщины» и «половую распущенность мужчин»⁷. В 1950—1960-х гг. положение в семейной сфере обсуждалось на различных уровнях — как публично, так и в частном порядке. Проект нового Семейного кодекса готовился в юридической комиссии при Совете министров СССР, комиссии законодательных предположений при Президиуме Верховного совета СССР и комиссии законодательных предположений при Совете национальностей Верховного совета СССР. Помимо информационных сообщений о работе над кодексом, в газетах и журналах появлялись резонансные статьи о проблематике отцовства в контексте обсуждения как брачно-семейной сферы, так и воспитания детей. Характерна для того времени статья, герой которой, профессиональный работник и член партии, критиковался за равнодушие к семье и воспитанию детей⁸.

Статьи и сообщения о подготовке кодекса вызвали интерес, граждане активно включились в процесс его обсуждения, о чём свидетельствуют письма, адресованные редакциям периодических изданий, ЦК КПСС, Совету министров СССР, Президиуму Верховного совета СССР. Они становились предметом обсуждения в комиссиях, а выдержки из них включались в редакторские сводки «Литературной газеты». Письма граждан, отложившиеся в архивных фондах Верховного совета — важный источник представлений об отцовстве. Всего за период 1951—1965 гг. насчитывается около 4—5 тыс. таких посланий. Среди их авторов — представители различных социальных групп, возрастов, уровней образования. На позицию женщин и мужчин в отношении отцов и

⁵ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке... С. 35.

⁶ Указ Президиума Верховного совета СССР от 8 июля 1944 г. об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почётного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

⁷ Денисова Л.Н. Судьба русской крестьянки в XX веке... С. 29—31.

⁸ Вигдорова Ф. Высокий пост // Литературная газета. 1955. 27 января. С. 2.

отцовства влияли нормативный и социальный контекст, гендерные модели поведения, а также жизненный опыт.

Однако важно понимать, что не все авторы делились историями из своей жизни — зачастую они позиционировали себя как «неравнодушные граждане» или «наблюдательные соседи». Среди авторов «женских» писем можно выделить следующие группы: матери-одиночки, разведённые матери, а также женщины, живущие в фактическом или официальном браке с «алиментщиками». Особняком стоят женщины старшего возраста, которые делились историями про своих дочерей (матерей-одиночек), или про сыновей-«алиментщиков». Мужчины-авторы — это отцы-«алиментщики» (как правило, содержавшие детей от разных браков), отцы, чьи дочери являлись матерями-одиночками, и, наконец, одинокие разведённые мужчины. Письма отличаются по стилю, языку, глубине аргументации, но их объединяет искренняя заинтересованность в обсуждении проблем семейной сферы.

В 1950—1960-х гг. модель брачно-семейных отношений начала меняться, что привело к размыванию традиционной семьи⁹. «Гендерный контракт» с государством для советских женщин подразумевал модель «работающая мать», включавший в себя и черты эмансипации, и требования соответствовать нормам женственности¹⁰. Мужчина, в свою очередь, представлял прежде всего «добытчиком», обеспечивающим семью, и лишь затем — мужем и отцом¹¹. Как можно заметить, в таком этакратическом семейном порядке¹² не отражены взаимоотношения женщин и мужчин, а также их семейная самоидентичность. Воспитание совместных детей в официальном браке считалось естественной формой жизни взрослого советского человека. Любые отклонения от этого канона — разводы, неполные семьи или же семьи с детьми от разных браков — настораживали и требовали немедленного приведения в норму. Именно такие «обыденные», «традиционные» взгляды вкупе с личным опытом определяли аргументацию авторов писем. Однако интересно, что они переплелись с официальной позицией, которая доносилась через публицистику. Во главу угла ставились интересы детей, пропагандировались толерантное отношение к матерям-одиночкам и вовлечение отцов в воспитание детей. Такое направление задали вышедшие в 1953—1955 гг. в «Литературной газете» статьи Е. Серебровской и коллективное обращение авторитетных¹³ людей того времени: С.Я. Маршака, Г.С. Сперанского, Д.Д. Шостаковича и И.Г. Эренбурга¹⁴.

⁹ *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М., 2012. С. 168—169.

¹⁰ *Конonenко Р.* Советская женщина за рулём: государственная политика и культурные коды гендерного равенства // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940—1985. М., 2008. С. 370.

¹¹ См.: *Жидкова Е.* Практики разрешения семейных конфликтов в 1950—60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика...

¹² *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Советский этакратический гендерный порядок. С. 96.

¹³ Так, воспитательница школы-интерната Земцова писала в редакцию «Литературной газеты»: «Извините, пожалуйста, но мне и многим моим коллегам по работе не совсем понятна мысль Больших людей с мировым именем, как т. Шостаковича, Маршака, проф. Сперанского и др.» (РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 488, л. 12—14).

¹⁴ *Маршак С.Я., Сперанский Г.С., Шостакович Д.Д., Эренбург И.Г.* Это отвергнуто жизнью // Литературная газета. 1956. 9 октября. С. 2.

Важно учитывать культуру написания текстов и атмосферу тех лет. «Литературность» пронизывала все сферы жизни людей 1960-х гг.¹⁵ Исследователи советского кинематографа отмечают, что по сравнению с предыдущей эпохой в кино, а следом и в обществе отмечалась тенденция к повышению чувствительности, эмоциональности¹⁶. Всё это отражалось и в письмах. Круг поднимающихся в них проблем затрагивал три аспекта: юридический (установление отцовства в суде и единообразии детских метрик), экономический (выплата алиментов), этический (воспитание, разводы и участие отцов в жизни детей). В рамках данного исследования я рассмотрю, какие темы и проблемы поднимались женщинами, а какие — мужчинами, что волновало матерей и отцов, в чём они соглашались, а в чём — расходились. Были ли эти сходства и различия следствием ломки старых норм, противоборством традиционных взглядов и «нового родительства»?

В письмах граждан¹⁷ обсуждался вопрос об установлении равноправия детских метрик, где наряду с материнским именем необходимо указывать имя и отца во избежание моральной травмы у ребёнка. Однако женщин эта тема волновала несопоставимо больше, поскольку именно матери-одиночки и их дети сталкивались с общественным осуждением: «В свидетельствах у детей, не имеющих отца, ставят в графе “Отец” прочерк, что не даёт морального равенства детям, воспитанным без отцов — с детьми, имеющими официального отца. Просим матерям-одиночкам дать возможность при регистрации ребёнка в графе свидетельства “Отец” ставить фамилию, имя и отчество по усмотрению матери и разрешить детям, имеющим свидетельство с прочерком... заменить свидетельством, в котором будут указаны: фамилия, имя и отчество отца — настоящего или вымышленного» («От советских матерей-одиночек», 1953)¹⁸; «Маленькая просьба одиноких матерей не причинит беспокойства “отцам”, и если в свидетельстве будет записано имя и фамилия отца, но будет сделана приписка, что ребёнок от незарегистрированного брака, все матери скажут спасибо» (коллективное женское, 1956)¹⁹.

Можно сравнить это с письмами от мужчин, которых больше интересовало право на добровольное внесение своего имени в метрику «незаконнорожденных» детей: «И если отец желает, чтобы ребёнок носил его фамилию, что действительно плохого? В той графе, где должна стоять фамилия отца, тем более, если отец сам этого желает!» (Дьяченко, 1956)²⁰; «У меня растёт сын — по отчеству он носит моё имя, но по закону я не могу сказать, что он мой ребёнок, так как он носит фамилию матери. А сколько мой сын будет ребёнком одинокой матери? А в моей семье была бы одна фамилия, и дочурка, которая учится в 3 классе, не спрашивала бы меня, почему у неё другая фамилия» (Челебницкий, 1956)²¹.

Впрочем, с внесением имени отца в метрику соглашались не все. В их числе, например, бывший военнослужащий, «слесарь-лекальщик и член КПСС

¹⁵ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Ann Arbor, 1988.

¹⁶ Подробнее см.: Gender and national identity in Twentieth-century Russian culture / Eds. H. Goscilo, A. Lanoux. De Kalb, 2006.

¹⁷ Здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография и пунктуация.

¹⁸ ГА РФ, ф. 7523, оп. 45а, д. 232.

¹⁹ Там же, оп. 45, д. 218, л. 179.

²⁰ Там же, л. 525.

²¹ Там же, л. 73.

с 1942» М.Ф. Надольный, который писал в 1956 г.: «Итак, внесение фамилии фактического отца в метрическое свидетельство ребёнка оснований не имеет. Это будет разрушать основы сов. семьи и способствовать распущенности»²². Помощник прокурора, юрист 2-го класса из Челябинска Филимонов аргументировал схожую позицию несколько иначе: «Зачем женщине нужна бумажка, в которой записано, что гражданин А. является отцом её ребёнка? Чтобы дать ребёнку фамилию отца? Зачем? Если это не отец, а подлец и он своей фамилией будет позорить невинного ребёнка»²³. Безусловно, мужчины, которые так рассуждали, могли и не знать о положении матерей-одиночек. Однако подобное мнение разделяли и некоторые женщины. Так, пенсионерка Размахина из Москвы, мать взрослой разведённой дочери, писала в 1962 г.: «Что дают бумаги ребёнку, когда он видит, что его папа ушёл от него и забавляется с каким-то чужим для него ребёнком, которого он ласкает, гуляет с ним, весело смеётся, а на какого не обращает ни какого внимания. Перед ребёнком встаёт вопрос: “Почему? Он же мой папа”. На месте матери бы лишила его фамилии отца и дала бы свою фамилию, а ребёнку дала понять, что папы у него нет»²⁴.

В комиссию законодательных предположений Верховного совета СССР поступали коллективные письма от матерей-одиночек. Несмотря на это, едва ли можно говорить о единых позиции и требованиях женщин. Не всегда просьбы ограничивались указанием отцовского имени. Как правило, метрики упоминались «в комплекте» с другими возможностями, такими, как право обращаться в суд для установления отцовства и взыскания алиментов: «Поскольку я сама мать-одиночка, но лично для себя ничего не хочу, поскольку я работаю, имею в личном пользовании дом, огород вполне обеспечиваю себя и ребёнка и не нуждаюсь в гос. пособии не оформлялась и не только я, но и много таких... И если местная власть подтвердит... что отец ребенка проживал одной семьёй, только были не зарегистрированы, то пусть платит, подлец, элименты и нечего развратничать за счёт государства» (Шматова, 1953)²⁵.

Отказ регистрироваться на получение государственного пособия — мотив нередкий: «Нас интересует, кто его придумал и зачем дают такую помощь, что я ни в состоянии воспитать родного ребёнка. Заплатить за детский садик надо 105 руб., а за ребёнка получаю 50 руб. Этот закон, наверно, придумал тот, который раскидал по свету детей своих, лет 25 самому и не хочется воспитывать за свой счёт, он и придумал этих матерей одиноких» (коллективное женское, 1953)²⁶. Однако женщины не слишком полагались на помощь государства. Им казалось более справедливым взимать деньги на «воспитание детей» с фактических отцов: «Просим Вас оказать помощь одиноким матерям, имеющим возможность получать не от государства по 50 руб. в месяц на ребёнка, которые не в коей мере не обеспечивают ему жизнь, а получать законные деньги от отцов» (Гальго, 1953)²⁷. Разница между государственным пособием и алиментами была существенной, что для многих мужчин являлось аргументом в пользу

²² Там же, л. 300.

²³ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 488, л. 2—7.

²⁴ Там же, л. 19—31.

²⁵ ГА РФ, ф. 7523, оп. 45а, д. 232, л. 97—98.

²⁶ Там же, л. 29—30. После денежной реформы 1961 г. сумма пособия составила 5 руб., и, например, О. Людвиг писала в 1962 г., что «на такие деньги не хватит содержать собаку» (РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 488, л. 43—52).

²⁷ ГА РФ, ф. 7523, оп. 45а, д. 232, л. 46—47.

того, что размеры выплат нужно соотносить: «Имеются женщины, получающие алимент за ребёнка до тысячи руб. В то же время одинокие матери получают пособия от государства 50 руб. на ребёнка и весьма довольны этим» (Шакров, 1953)²⁸.

Важно понимать, что просьбы о равноправии детских метрик зачастую перетекали в требования об установлении отцовства и назначении алиментов фактическим отцам.

Одной из базовых функций отцовства в традиционном обществе является модель «отца-кормильца». По семейному законодательству СССР 1950—1960-х гг. алименты могли выплачиваться только после того, как юридически оформленный брак завершился разводом. Выплаты ранжировались в зависимости от заработной платы мужчины: 25% на одного ребёнка, 35% на двух и 50% на трёх детей. Отцовство, таким образом, подразумевало экономическую ответственность. В результате алименты стали сферой столкновения интересов матерей, которые жаловались на трудности получения денег от мужчин, и отцов, которые негодовали из-за взимания слишком больших сумм: «Справедливо ли будит, если сын, работая 6 и 4 часа в сутки, получает 700—800 руб., да от меня 250 руб., итого на одного 1 050 руб. Я же имею свою законную семью: мать, жену и дочь. Недостаточно ли было бы платить алименты до 16 лет?» (Наумов, 1956)²⁹; «Почему мои законные дети должны находиться в худших материальных условиях, нежели ребёнок, на которого я плачу 25%?» (Помазкин, 1956 г.)³⁰; «Многие женщины злоупотребляют тем, что получают большие суммы на ребёнка. Всю сумму денег на ребёнка не расходуют, не работают, ведут разгульный непристойный образ жизни... мы считаем, что 30 руб. вполне достаточная сумма» (коллективное от рабочих-мужчин, 1962)³¹. Данные высказывания принадлежат отцам, платившим алименты, но жившим в другой семье, которая, по их мнению, является законной.

Мужчины реализовали представления об отцовстве, руководствуясь моделью «кормильца»: отец содержит ту семью, с которой он живёт и которую считает «настоящей». В письмах «алиментщиков» фигура ребёнка (или детей) от первого брака замалчивается, на первый план выходит недостаточное материальное обеспечение детей от второго брака. Для некоторых отцов развод означал окончание любых отношений с детьми, поэтому встречаются письма, в которых мужчины готовы отказаться от отцовства, чтобы не выплачивать алименты. Например, пенсионер, старший лейтенант запаса М. Бадрин писал в 1953 г.: «С мужчинами, после того как их бывшие жены вышли замуж за других, прекратить вычет элементов на воспитание детей и этим самым юридически лишить их отцовства, не узурая на возраст детей. А права отцовства юридически отдать новому отцу, который и будет отвечать за воспитание ребенка как настоящий отец»³².

Женщины, напротив, считали, что и после развода мужчина несёт обязательства перед детьми. Они обвиняли мужчин в спекуляциях и уклонении от выплат: «Некоторые отцы бросают своих детей и, чтобы не платить алименты,

²⁸ Там же, л. 72.

²⁹ Там же, оп. 45, д. 218, л. 200.

³⁰ Там же, л. 283.

³¹ Там же, д. 445, л. 107.

³² Там же, оп. 45а, д. 232, л. 118—123.

они устраиваются на низкую оплачиваемую работу, а сами побочно зарабатывают деньги. А которые отцы живут, у них дети, и вдруг ему понравилась другая, и он бросает детей и жену... Таких бессердечных отцов наказать материально, хотя они убиты морально» (Бердыбаева, 1962)³³; «В паспорте отмечать что он отец платит алименты... скроится отец с глаз детей и жены, и больше нет алиментов, а дети растут без отца и без его материальной помощи, а отсюда и получаются нехорошие последствия. Дети страдают и материально, и морально» (Скуратова, 1956)³⁴.

Встречается и мнение, что потенциально высокие алименты предотвратят уход отца из семьи: «Моё мнение 25% на одного ребёнка это очень мало и если отец низкооплачиваемый бросает ребёнка платит 25%, а потом заводит вторую семью появляются дети и там и вот результат один ребёнок не живёт а существует и вторая семья тоже отживает вот тут надо подумать не лучше ли добавить, чтобы каждый отец, который бросает детей платил бы на ребёнка 50%. Я воспитаю сама, получая с мужа 277 руб. на двоих, сама я получаю 400 руб. Вы думаете я живу в достатке могу ли я побаловать своих детей игрушками или конфетами, да один раз в месяц и то недорогими» (Маякова, 1953)³⁵; «Просим Вас прибавить нам алименты на одного ребёнка 50% тогда они подумают, как жить им с другой семьёй» (Романова, 1953)³⁶.

Однако существовала группа женщин, чьи взгляды на проблему алиментов совпадали с мужскими. Это жёны «алиментщиков» — женщины, создавшие семьи с мужчинами, уже имеющими детей от предыдущего брака: «Кроме того, мы вынуждены содержать няню, которая нам обходится 500 руб. По сути дела двое наших детей на моём собственном горбу. И я, получая приличную зарплату, не могу купить то, что мне нужно. Работаю 15 лет и не могу купить зимнее пальто. Приходится даже в кино ходить в форме, которую я имею счастье носить. Почему я должна содержать 2-х детей, а та женщина, которая не сумела жить с мужем по своей вине, по сути дела, уселась на горб мужа вместе со своим выводком» (Путятова, 1953)³⁷. А письмо, написанное от лица школьницы, завершалось следующими словами: «Тов. Маленков! Вот Вы уголовников амнистировали, так осчастливьте миллионы семей: отмените алименты случайных детей женщин проституток» (Баранова, 1953)³⁸.

Возникает вопрос, принимали ли мужчины в таких спорах сторону женщин? Безусловно, такие письма встречаются: «По словам учителей, число детей с прочерком в метрике в некоторых классах достигает 20—30% от общего числа учащихся. В метриках детей должен был указан отец. Нельзя устанавливать фиксированный максимум для алиментов. Положим, слесарь, зарабатывающий 150 руб. в м-ц, будет платить 25% от заработка на содержание ребёнка — т.е. 30 руб. (максимум) высокооплачиваемый специалист с заработком в 1 000 руб. будет также платить 30 руб. Это будет лишь служить поощрением легкомысленных “мотыльков”, имеющих довольно весомый заработок» (Хазанов, 1962)³⁹. К сожалению, семейное положение авторы зачастую не указывали,

³³ Там же, оп. 45, д. 445, л. 190.

³⁴ Там же, д. 218, л. 88—89.

³⁵ Там же, оп. 45а, д. 232, л. 74.

³⁶ Там же, л. 160.

³⁷ Там же, л. 31—32.

³⁸ Там же, л. 2.

³⁹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 488, л. 67—72.

поэтому непонятно, чем они руководствовались — личным опытом или же отстранёнными наблюдениями?

Проблема «материального и морального долга» наиболее отчётливо выявляет господствовавшие представления об отцовских обязанностях. Эта формула подразумевала сочетание роли «добытчика» с эмоциональным вовлечением в жизнь ребенка: «И он не несёт никакой ответственности ни материальной ни моральной за воспитание ребёнка. Это даёт повод злоупотреблять законом многим отцам» (Митякин, 1956)⁴⁰; «Если бы, помимо материальных обязанностей, в [кодексе] было бы указано на моральную сторону в родительском (отцовском) воспитании, только закон смог бы поднять уровень морального отношения к женщине и детям» (О. Людвиг, 1962)⁴¹. В чём разница между понятиями «моральный долг» и «воспитание»? Второе — более широкое, совмещающее в себе аспекты материальной и эмоциональной заботы о детях: «Так мы — матери-одиночки просим, чтобы не государство нам помогало в помощи воспитания детей, а отцы чтобы ребёнок не считался незаконнорожденным, пусть отцы помогают в воспитании детей» («От женщин одиноких матерей», 1962)⁴².

Парадоксально, но «материальный» и «моральный» аспекты отцовства могли как дополнять друг друга, так и противопоставляться. Тем не менее и женщины, и мужчины сходились в том, что отцовские обязанности не исчерпываются формальными выплатами: «С мнением отца закон не считается, поставив его в низкое положение, используя отца воспитателя, только как рабочего быка. Кроме животного инстинкта в законе о браке и семье и опеке не ставится алименты и формальности закона о воспитании детей превращает отца в источник дохода, рабочую силу» (Федотова, 1962)⁴³. «Мне кажется, не найдётся сейчас такой мужчина, который бы не дорожил своими детьми. Мужчины, которые лишаются детей, в подобных таких случаях становятся морально убитыми, очень много в жизни теряют, им нет ничего милее своих детей лишившись их они в конце концов становятся на неправильный путь жизни, превращаются в пьяниц, они стремятся отомстить своей бывшей жене идут на преступления или ведут, в конце концов, распутный образ жизни и скрываются от алиментов» (Макаров, 1962)⁴⁴.

Иногда в письмах мужчин поднимался вопрос о судьбе ребёнка после развода, о том, с каким родителем он останется. Некоторые чувствовали себя ущемлёнными в правах из-за отсутствия правоприменительной практики передачи детей отцам после разводов: «Возникает вопрос, где же отец, где право отцовства... мы знаем, что в случае развода... отец не может взять себе ребёнка без согласия матери, если детей даже больше одного... Фактически отец отстранён от воспитания своих детей по воле матери и является их далёким посторонним содержанием... Вторым шагом было бы устройство детей, которых хочет взять отец, но не хочет брать мать, в детские государственные учреждения, с выплатой алиментов как со стороны отца, так и со стороны матери» (И. Магиденко, 1962)⁴⁵.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 7523, оп. 45, д. 218, л. 196—197.

⁴¹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 488, л. 43—52.

⁴² ГА РФ, ф. 7523, оп. 45, д. 448, л. 216—220.

⁴³ Там же, л. 237—243.

⁴⁴ Там же, д. 446, л. 75—79.

⁴⁵ Там же, д. 448, л. 10—12.

Зачастую мужчины хотели опротестовать решение суда и забрать ребёнка на воспитание, воспринимая это как альтернативу алиментным выплатам или как месть бывшей жене: «Передавать отцу ребёнка, если он этого хочет. Тогда многие матери не будут разрушать семьи» (Крекин, 1962)⁴⁶. Некоторых возмущало отсутствие возможности видиться с ребёнком: «Отец, который любит этого ребёнка, и хотел бы воспитать его, по существу является “денежным мешком”, так как женщины... лишают возможности его даже видеть, а ребёнок очень быстро забудет родного отца. Жена лишила меня возможности поддерживать связь с ребёнком, она хочет, чтобы он меня забыл. Но я не хочу этого. Я хочу чтобы мой сын знал что я его отец что я его люблю, что забочусь о нём» (Балабенко, 1962)⁴⁷.

В письмах женщин проблема передачи ребёнка отцу после разводов не отображена. Однако их тоже волновали сведение к минимуму или даже разрыв отношений: «Не только деньги, и даже если бы отец и ребёнок встречались друг с другом это на обоих влияло бы благотворно» (Д. Положей, 1956)⁴⁸. Таким образом, и женщины, и мужчины считали, что после развода взаимоотношения между детьми и отцами должны сохраняться. Однако если мужчины рассматривали это как шанс укрепить свои родительские права, то женщинам более важна помощь в воспитании (которая, впрочем, носила эпизодический характер).

Представления о содержании отцовства в письмах представлены, как правило, неотчётливо, в общих чертах. Однако встречаются и детализированные описания: «Мальчику было около четырёх лет и он утверждает что помнит папу. Как он давал ему шоколад, устраивал ёлку, брал в кино и т.д.» (Березина, 1956)⁴⁹; «У нас росли два хороших сына. Я не считался ни со временем, ни с родом работы, все силы отдавал дому: производил уборку в комнате, мыл полы, вытирал пыль, ухаживал за цветами, возил вещи в стирку, привозил, развешивал и снимал бельё, сидел с больными детьми»⁵⁰. Эти отрывочные сведения дают основания полагать, что равномерного и равноправного разделения обязанностей между родителями в сознании современников не существовало. Модель «воскресного отца» и частичная бытовая помощь рассматривались как тот максимум, которого можно ожидать и требовать.

Изучение общественной дискуссии о советском отцовстве выявляет плюрализм мнений и высказываний на тему семьи, детей, родительских ролей. Центральным стал вопрос о том, какое отцовство следует считать «настоящим» — юридически зарегистрированное в браке или же фактическое. Большинство признавало второй вариант, однако женщины и мужчины стремились легитимизировать разные аспекты отцовства. Далее в равной степени признавалось, что отсутствие одного из родителей *a priori* делает семью «неполноценной». Поэтому граждане проявили единодушие в том, что неравенство детских метрик и прочерк в графе «отец» недопустимы. Однако последствия отказа от действующего порядка регистрации вызвали дискуссию. Наконец, в фокус внимания попала роль отца после развода: он воспринимался не только как

⁴⁶ Там же, л. 290.

⁴⁷ Там же, д. 445, л. 243—245.

⁴⁸ Там же, д. 218, л. 108.

⁴⁹ Там же, л. 233—234.

⁵⁰ Там же, д. 448, л. 296—303.

«добытчик», но и воспитатель. Хотя если для женщин на первом плане находилась материальная помощь отцов, то в «мужских» письмах (особенно ближе к концу 1960-х гг.) чаще звучат мотивы собственных чувств и переживаний. Эта новая черта очень важна для понимания перемен в психологическом климате общества тех лет.

Гендерная специфика писем заключалась в отсутствии строгого деления на «женские» и «мужские» письма. Мужчины (предположительно, не связанные алиментным бременем) могли выступить на стороне матерей-одиночек, а женщины, находившиеся в браке с «алиментщиками» (или матери таковых), стремились оправдать мужей/сыновей, призывали взглянуть на ситуацию их глазами. Позицию автора, таким образом, определяла не гендерная принадлежность, а конкретная жизненная ситуация, а также уровень образования и часто связанные с ним материальные условия и психологические особенности (степень развитости эмпатии и проч.).

Таким образом, представления об отцовстве в СССР складывались из сочетания идеологии, традиционных представлений о семье и браке и индивидуальных позиций самих граждан. Фигуру «отца» изобретали, реконструировали, переосмыслили. Несовершенство законодательства стало одной из причин того, что, казалось бы, знакомый и привычный каждому образ начал наполняться новым содержанием и смыслом.